

УДК 39(470.41)

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ МЕНЬШИНСТВ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Т.А. Титова, Д.М. Гараев

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблем формирования и функционирования современной исламской субкультуры России на материале Татарстана. Религиозное возрождение, начавшееся в России с 1990-х годов, привело к появлению новых форм социальной идентичности и образованию новых моделей гендерных отношений, практик и символов. В публичной сфере исламская символика заняла прочное место, внося свой вклад в облик российского сообщества, формируя новую субкультуру. Данная субкультура характерна в большей степени для молодых женщин, которые, нося хиджаб, сегодня уже не выделяются как нечто чужеродное.

Религиозное возрождение, произошедшее в России в начале 1990-х гг., повлияло не только на практики и идеологию различных религиозных групп, но и на городскую культуру в целом. Особенно это стало очевидным в регионах, где у ислама традиционно сильные позиции.

На тему возрождения ислама в России написано достаточно много работ¹, в том числе и посвященных религиозной ситуации в современном Татарстане². Однако крайне редки исследования практик нового исламского сообщества³, гендерных аспектов становления социальной группы новомусульман и т. д.⁴ В целом исследователи солидарны в мнении о том, что, несмотря на высокую декларируемую религиозность татар в Татарстане (порядка 81% называют себя

¹ Наиболее известные работы: *Малашенко А.* 1) Исламское возрождение в современной России. – М., 1998; 2) Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001; *Силантьев Р.* Новейшая история ислама в России. – М., 2007; *Равиль Гайнутдин.* Ислам в современной России. – М., 2004.

² См.: *Мухаметшин Р.М.* Ислам в Татарстане. – М., 2007; *Мусина Р.* 1) Ислам среди городских татар: анализ современной ситуации // Россия и мусульманский мир. – М., 1996; 2) Ислам и мусульмане в современном Татарстане // Религия и государство в современной России: Науч. доклады. Вып. 18. – М., 1997; 3) Религиозность как фактор межэтнических отношений в РТ // Социальные и культурные дистанции. Опыт многонациональной России. – М., 1998; 4) Ислам в массовом сознании татар // Ислам в Среднем Поволжье. – Казань, 2001; 5) Этноконфессиональные особенности и факторы формирования гражданской идентичности // Федерализм в России. – Казань, 2001.

³ См.: *Сабирова Г.* Мусульмане Татарстана и Дагестана: идеалы и идентичности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://region.ulsu.ru/books/drugoe_pole/part2ch5/, свободный.

⁴ Здесь можно назвать исследования И. Кузнецовой-Моренко и Л. Салахетдиновой, см. напр.: *Кузнецова-Моренко И., Салахетдинова Л.* Новые мусульманки Татарстана: к вопросу о становлении социальной группы // Гендер: традиции и современность. Сб. ст. по гендерным исследованиям / Под ред. *С.П. Касымовой.* – Душанбе, 2005.

верующими¹), реально всем канонам шариата следует небольшое их количество². Таким образом, религиозное возрождение носит символический характер, сопровождая начавшееся в конце 1980-х гг. национальное возрождение.

Проведенные нами в период с февраля по август 2006 г. 40 глубинных интервью с представителями новой исламской субкультуры, а именно с женщинами и девушками, носящими мусульманский платок или хиджаб, позволяют говорить, что с начала 2000-х гг. мы наблюдаем новый всплеск религиозности, имеющий свои особенности. В данном случае речь идет не об увеличении числа людей, называющих себя мусульманами, а о том, что к началу 2000-х гг. мы имеем сформировавшуюся новую исламскую субкультуру³. Члены данной субкультуры активно практикуют религию в повседневной жизни: регулярно посещают мечети, совершают пятикратную молитву, потребляют только разрешенную исламом пищу (халяльную), одеваются в соответствии с религиозными предписаниями. И это «новое возрождение» не связано напрямую с национальным движением. Более того, «новые мусульмане» находятся в некоторой оппозиции национальной идеологии, и для них крайне актуализированы вопросы социально-нравственного возрождения общества: семейные ценности, здоровый образ жизни, справедливое предпринимательство и т. д.

Особая роль в этом процессе отведена женщинам, которые становятся главным маркером сообщества. Мужчина-мусульманин не выделяется своим внешним видом⁴, а женщина (девушка) в платке является главным свидетельством того, что в городе есть большая исламская община. Для нашего исследования принципиальным является использование понятия «мусульманский платок», а не хиджаб. И несмотря на то, что в повседневном дискурсе о молодой девушке или женщине в платке говорят, что она «в хиджабе», мы далеко не всегда имеем дело с хиджабом. Хиджаб – это весь комплекс женского костюма, который подразумевает сокрытие очертания фигуры, полностью закрывая голову и тело, за исключением лица и кистей рук. Платок – это только один из элементов хиджаба, а способы его подвязывания также имеют свои вариации, определяющие положение женщины в исламском сообществе и указывающие на ее идеологическую ориентацию.

Новомусульманскими семьями мы называем брачные пары с детьми, ориентированные на активное потребление религиозных норм в повседневной жизни (т. е. исполнение главных религиозных предписаний, связанных с поведением человека, его внешним видом, потребляемой пищей и исполнением религиозных ритуалов). Одним из главных символов новомусульманских семей является ношение состоящей в браке женщиной хиджаба или наиболее его символически значимого элемента – женского мусульманского платка. Именно присутствие хиджаба или определенным образом повязанного женского платка сим-

¹ Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России / Под. ред. Л.М. Дробижевой. – М., 1998. – С. 235.

² Например, среди тех, кто себя называют верующими-мусульманами, только 7.9% регулярно посещают мечети (см.: Татары. – М.: Наука, 2001. – С. 515).

³ Под субкультурой мы понимаем группу с устоявшейся системой символов, атрибутов и традиций.

⁴ Мужчин, одетых на арабский манер и отрастивших бороду, в г. Казани значительно меньше, нежели женщин и девушек в платках.

волически выделяет новомусульманские семьи из общей массы семей, члены которых по самосознанию также могут определять себя как мусульмане.

Исследуя отношение женщин в новомусульманских семьях к институту брака и семьи, мы пришли к выводу, что побудительным мотивом ношения хиджаба (или мусульманского платка) стало получение доступа к символическому капиталу: выгодному замужеству, расширению социальной сети, использованию религиозности как ресурса, который помогает повысить авторитет в семье и общественной жизни (позиционировать себя как девушку, обладающую знанием того, какой должна быть настоящая женщина (супруга, мать, дочь)), – т. е. достижение целей не только сугубо религиозных, но и секулярных¹.

Именно семейные отношения, по мнению мусульманок, являются особенно значимой сферой в жизни современного общества. Так, в ходе проведения интервью с молодыми мусульманскими активистами (как с молодыми людьми, так и с девушками) нам приходилось сталкиваться с резко отрицательным отношением к представителям татарского национального движения. Они называли представителей национальных организаций «развратниками», «алкоголиками», «наркоманами» и т. п. Противопоставляя себя представителям татарского национального движения, новомусульмане считают себя «чистыми», «благочестивыми», уважающими семейные ценности и т. д. На наш взгляд, данная тема актуальна в свете определения границ изучаемой группы и представлений о том, как должна выглядеть «настоящая» татарская или мусульманская женщина, которая (используя терминологию Н. Юваль-Дейвис²) становится символическим «пограничником» своей группы. Именно женщины-мусульманки определяют себя как основу сохранения исламского татарского сообщества³, считая себя ответственными за воспроизводство и моральный облик группы.

Наше исследование зафиксировало две основные формы гендерных взаимоотношений в новомусульманских семьях: воспроизведение гендерного «*контракта домашней хозяйки*» и гендерного «*контракта работающей матери*»⁴. В настоящий момент первый вариант наиболее характерен для г. Казани, второй же встречается несколько реже. Если мы говорим о «*контракте домашней хозяйки*», то в каком-то смысле можно говорить о рациональном выборе в поисках выгодного замужества как делового обмена: ориентированная на «семейные ценности» супруга, отвечающая выработанному представлению о мусульманской жене, в поисках мужа, придерживающегося соответствующих взглядов. Для большинства опрошенных идеальный брак представляется моноконфессиональным, что обусловлено канонами ислама. Девушки этой группы не приветствуют, как правило, и межэтнические браки. Причем их интолерантность в отношении данного вопроса выражена значительно сильнее, нежели у других групп татарской молодежи. Таким образом, практики, существующие в новомусульманских семьях, диктуются в первую очередь исламскими предписаниями.

¹ В какой-то степени это объясняется тем фактом, что большая часть девушек, сделавших выбор в пользу платка, являются выходцами из сельской среды.

² Юваль-Дейвис Н. Гендер и нация. – М., 2001. – С. 43.

³ Для кого-то из респондентов была важна именно национальная составляющая (татарская), а для кого-то – более широкая, по их мнению, религиозная (исламская).

⁴ Темкина А.А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // СОЦИС. 2002. – № 3. – С. 11.

Семейные ценности женщин и девушек, носящих мусульманский платок, также во многом отличны от подобных ценностей доминирующей молодежной культуры. Представительницы данной субкультуры воспринимают обязанности по отношению к семье как освященные исламом. Из интервью:

– «...есть такой хадис, где говорится, что мечеть женщины – это её дом. И самое близкое место к Богу для женщины – это дом. Для женщин мечеть – это место для того, чтобы показать свою одежду, посплетничать, увидеть там, что у одной дамы было одето и т. д., а затем все это потребовать у мужа...».

– «У женщин-то обязанностей не имеется, как у мужчин – ходить в мечеть. Самое главное, чтобы она выполняла свои обязанности по дому, домашние дела. Сюда входит воспитание детей и уход полностью за семьей. Все это она в первую очередь должна выполнить, все это сделать так, чтобы семья была довольна»¹.

Девушки сознательно используют свою религиозность как ресурс, позволяющий им обеспечить себе желаемую семейную позицию. Из интервью:

– «Мне мои подруги говорят (их, в принципе, большинство): «Ой, если он меня замуж возьмет, буду я платок носить, если он хочет. Самое главное, чтобы он меня обеспечивал». Все-таки это ведь наша роль такая. Семья – это главное, и чтобы муж был доволен».

– «У нас трое детей. Ими ведь кто-то должен заниматься, чтобы они выросли достойными мусульманами. Мы их должны вырастить в вере. А кто этим должен заниматься, как не мать? Дети с молоком матери должны усвоить правила того, каким должен быть настоящий мусульманин».

– «...важно, чтобы муж был доволен. Ведь на его плечи ложится основная нагрузка. Он много работает, кормит нас. А мы должны делать все, чтобы он остался доволен. Чтобы, придя домой, он чувствовал себя счастливым. Это ведь так прекрасно, когда муж хвалит свою жену перед другими мужчинами».

В беседах с преподавателями и посетительницами Курсов будущих мусульманских жен, организованных при Духовном управлении мусульман Республики Татарстан, мы выяснили, каким образом выстраивается гендерный режим в современных новомусульманских семьях. Из интервью:

– «Настоящая мусульманка, она всегда будет **слушаться** своего мужа. Самое ведь главное, это ведь **согласие** в семье. А у мусульманки небольшие требования».

– «Чем раньше женишься, тем скорее обретишь эмоциональное спокойствие. Ты будешь знать, что у тебя есть тыл. Что тебя вкусно накормят, выстирают и в доме твоём всегда будет чисто. А когда люди тянут с женитьбой, то это только к разврату ведет...».

– «Из-за того что, в отличие от мужчины, женщине не приходится ходить в мечеть, обязанностей у нее меньше. Самое главное, чтобы она выполняла свои обязанности по дому, домашние дела. Сюда входит воспитание де-

¹ Из интервью И. Кузнецовой-Моренко и Л. Салахетдиновой.

тей и уход за семьей. Все это она в первую очередь должна выполнить, всё это для того, чтобы семья была довольна».

– «В мусульманской семье всегда вот так: муж заходит домой, жена наряжается перед ним, красится там, все, что мужу нравится, она все это делает, и он уже приходит и восхищается, и это женщину еще больше подстегивает к такому вот... к таким поступкам. И также муж перед женой старается выглядеть более хорошо. А вот в немусульманских семьях такого нету. Ну, нет такого и все... Присутствие мужчин-мусульман является для нас очередным напоминанием о том, кто мы есть, и о нашем предназначении».

Как правило, девушки, ориентированные на «контракт домашней хозяйки», чаще всего выходят замуж за мужчин, которые старше их и имеют уже определенный материальный достаток, реализуя тем самым патриархальную модель взаимоотношений. Знакомство с предполагаемым супругом чаще всего осуществляется через знакомых или родственников. Для многих учеба в религиозных учебных заведениях открывает возможность найти будущего мужа из числа духовенства, что считается особенно престижным. В данном случае налицо использование социальной сети, поскольку ориентация на замужество – приоритетная установка мусульманки. Здесь велика вероятность, что со стороны многочисленных знакомых будут регулярные предложения познакомиться с тем или иным потенциальным мужем. Для этого девушке не обязательно открыто говорить о том, что она ищет себе супруга. Сам факт того, что она еще не замужем, предполагает, что она находится в поиске.

Наше исследование показало также и иную ситуацию в новомусульманских семьях, а именно наличие женщин, реализующих стратегию «контракта работающей матери». Такие женщины параллельно с замужеством и получением религиозного образования дают уроки арабского языка, преподают на различных курсах и т. д. Часть из них говорят о желании продолжить свое образование. Особенностью «контракта работающей матери» является то, что чаще всего женщины оказываются городскими жительницами, которые учатся в светских учебных заведениях и начинают работать еще в студенческие годы. Согласиться на роль домашней хозяйки для них неприемлемо. Очень часто и их мужья являются либо студентами, либо коллегами по работе. Основное требование к мужу – считать себя мусульманином и регулярно посещать мечеть.

Для таких женщин характерна большая мобильность и активная гражданская позиция (например, девушки из университетской среды подняли вопрос о праве фотографироваться на паспорт в хиджабе).

Большинство этих девушек и после замужества продолжают работать и зарабатывать деньги. С одной стороны, это связано с тем, что они чаще вступают в брак со своими ровесниками. Многие из них считают своим долгом формировать вместе с мужем семейный бюджет. Из интервью:

– «Я же понимаю, что сейчас одному сложно содержать целую семью, особенно если собираешься копить деньги на квартиру или какую-то другую крупную покупку. Мы ведь живем не в традиционном обществе. Это раньше так можно было, а сейчас нет, не получится. Тем более я ведь высшее образование получила. Я бухгалтер и не могу допустить, чтобы это ушло впустую. Мне нравится работать... но семья, дети – это святая обязанность».

– «Мы молодая мусульманская семья, нам надо встать на ноги. Для этого надо работать много. Я должна помочь своему мужу, он не сможет потянуть это один. Тем более у нас ребенок, он растет. Хорошо, что есть бабушка, которая присматривает за ним, когда у нас нет времени. Но я все равно стараюсь побольше времени проводить с ребенком, он ведь скоро в школу должен пойти».

– «Ну, что сейчас поделаешь?! Такая у нас ситуация. Я должна помочь своему мужу – иначе мы не сможем поднять нашу семью. Ведь надо кормить и одевать детей, надо обустраивать нашу жизнь, как-то стараться надо. Мы сами выбрали такой путь, и мы должны все сделать для того, чтобы у нас все было хорошо. Моему мужу приходится сейчас очень тяжело, и я не могу смотреть на это, сидя дома. Это неправильно. Потом, ведь первая жена Мухаммеда работала, она была успешной предпринимательницей. Значит, девушке можно и нужно работать, это хорошо».

Помимо практического объяснения причин того, что мусульманки стремятся работать, нами зафиксировано достаточно много примеров убежденности в том, что право на работу – это их законное право. Из интервью:

– «Мы ведь не в средневековье живем! Я получила высшее образование, у меня есть диплом не для того, чтобы он на полочке стоял. Нет, совершенно не ради этого я пошла учиться. Я хочу доказать, что современные мусульманки – это не затворницы. У нас активная жизненная позиция. Мы можем работать, мы должны доказывать, что то, чем мы занимаемся, важно».

– «Я журналистка, для меня очень важна моя работа. В нашей газете все мусульмане. Мы пишем на волнующие вопросы не только нашей уммы¹, но всех думающих людей».

– «По утрам я веду передачу на телевидении, которая посвящена вопросам исламской культуры. А днем я работаю в магазине, где продают дорогую одежду. Для меня главная работа – это работа на телевидении. Но там недостаточно хорошо платят, поэтому мне приходится работать в магазине. Для меня работа – это все, и я не могу ее бросить. Я ведь закончила журфак КГУ. Да, у меня есть семья, и это главное. Но без работы я тоже не могу, и муж это понимает, тем более его зарплаты не может хватить, чтобы обеспечить нам безбедную жизнь».

Довольно распространенной ситуацией становится ведение совместного бизнеса супругами. Они могут организовывать свои предприятия как в сфере исламской индустрии (кафе халяльной пищи, магазины мусульманской одежды и т. д.), так и в не относящихся к ней сферах (например, организация издательского центра, частного детского сада, сети парикмахерских и др.). Однако и в такого рода отношениях роль жены и матери остается наиболее важной составляющей их идентичности. Даже если учесть, что женщины ведут активную общественную деятельность, работая практически на равных со своими мужьями, они по-прежнему ответственны за воспитание детей и ведение домашнего хозяйства. Мужья же в этом процессе, как правило, не участвуют. Из интервью:

– «В конце концов, я все же мать. Для меня важно, чтобы мои дети и муж всегда были накормлены и сыты. Как на меня посмотрят соседи, если

¹ Умма – мусульманское сообщество.

мои дети будут ходить грязными и голодными?! Скажут: «Вот одела платок, а что толку – за семьей не смотрит. Какая она после этого мусульманка – так, показуха обычная!». Я не хочу, чтобы мой выбор считали показухой! Это для меня важно. Но работа тоже отнимает много времени, этого ведь людям не объяснишь. Они считают, что если в платке, если мусульманка, то все... должна дома сидеть, за детьми смотреть и кушать готовить... но я ведь современная женщина!».

Таким образом, экономическая нестабильность, с одной стороны, и желание реализовать свои амбиции, с другой, приводят к активной трудовой и общественной деятельности женщин в новомусульманских семьях. Однако в одних случаях в «*контракте работающей матери*» наиболее значимой является ориентация на семейные роли, а работа рассматривается как вынужденная мера; в других случаях работа и общественная деятельность – это осознанный выбор женщины, и карьерные установки приобретают приоритетный характер.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что в гендерном порядке новомусульманских семей имеет место два основных женских контракта: «*домашняя хозяйка*» и «*работающая мать*». Ориентация на ту или иную форму семейных отношений определяется целым рядом факторов: степенью интегрированности в городское сообщество, уровнем образования женщин и мужчин, материальным положением супругов и т. д. Степень распространенности данных гендерных контрактов неравномерна. Вариант «*контракта домашней хозяйки*» является на данный момент более распространенным, нежели «*контракт работающей матери*». Однако, по нашему мнению, эта ситуация изменится, и в ближайшее время «*контракт работающей матери*» получит большее распространение, повлияв на гендерный порядок в новомусульманских семьях.

Summary

T.A. Titova, D.M. Garaev. The Formation of Minorities' Religious Subculture in Poly-ethnic Urban Environment.

The article is dedicated to study of the problems of the shaping and operation of modern Islamic subculture in Russia on the material of Tatarstan. The religious renaissance began in Russia since 1990s. It has brought about appearance of the new forms of social identity and forming the new models of gender relations, practical person and symbol. In public sphere Islamic symbols have occupied a stable place, making its contributions to the look of Russian community, forming new subculture. Given subculture is typical in greater degree for young women who, wearing Hidjab, today already do not stand out as something foreign.

Поступила в редакцию
10.09.07

Титова Татьяна Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнографии и археологии Казанского государственного университета.

Гараев Данис Махмутович – аспирант кафедры этнографии и археологии Казанского государственного университета.